

Дмитрий Емец

Золото скифов

#эксмодетство

МОСКВА

2018

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Иллюстрация на обложке
Виктории Тимофеевой

Емец, Дмитрий Александрович.
Е60 Золото скифов / Дмитрий Емец. — Москва :
Эксмо, 2018. — 272 с.

ISBN 978-5-04-091665-8

В одну страшную грозовую ночь из музея тихого приморского городка пропадает скифская золотая чаша. Никаких отпечатков пальцев или следов не обнаружено, чаша словно растаяла. Город взбудоражен: может быть, дело в проклятье, которое преследует клад из скифских курганов? Живущие по соседству с музеем ребята берутся за расследование!

Дмитрий Емец — известный детский писатель, его произведениями зачитываются дети самого разного возраста, а суммарный тираж книг превысил 5 000 000 экземпляров.

УДК 821.161.1-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091665-8

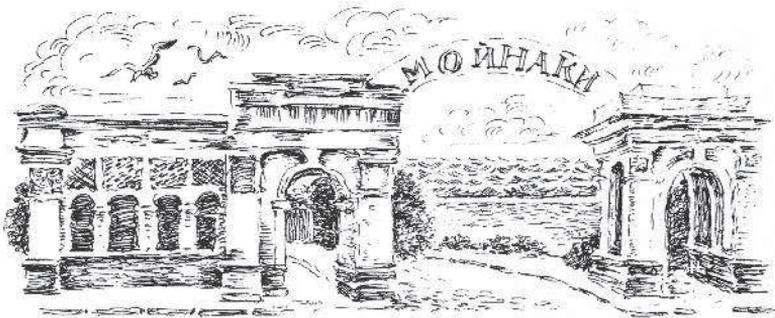
© Емец Д., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Моему сыну Ивану посвящаю

Жить для детей — это здорово. Но лучше жить вместе с детьми, и жить насыщенно. Дети не прощают родителям, когда у тех только одно занятие — родительство. Поэтому жить надо интересно, тогда и детям будет интересно смотреть, как ты живешь.

Папа Гаврилов

Глава первая

Золото скифов

Хотите секрет вечного счастья? Записывайте! Идете в зоомагазин. Покупаете штук двадцать сверчков. Они продаются как корм для ящериц и стоят дешево. Сажаете их в пластиковый контейнер, положив туда разрезанную картонную упаковку для яиц. Изредка кормите тертой морковью, поите из мокрой кухонной мочалки и с утра до вечера наслаждаетесь звуками.

(с) Саша

Большая семья Гавриловых — папа, мама и семеро детей — отправилась в поход вокруг озера Мойнаки. Вообще-то озеро было лиманом и примыкало к морю так плотно, что в одном месте остался лишь узкий перешеек. Но всё равно его почему-то называли озером.

Сейчас, в начале июня, немало горожан выехало сюда на пикники. Повсюду на перешейке стояли раскладные мангалы — или без мангалов над углями на шампурах жарилось мясо. Аппетитные запахи отвлекали юных Гавриловых от похода. Дети то требовали пить или есть, то устраивали сидячую забастовку. Поход, длившийся уже три часа, им порядком

поднадоел. Папа Николай, которому то и дело приходилось тащить кого-нибудь из младших на руках и выслушивать капризы старших, ворчал, что для современных детей нужны гуляльные кандалы.

— Всё замечательно! Мы на свежем воздухе! Ты же всегда рассказываешь в интервью, что любишь походы! — успокаивала его мама Аня.

Она шла самой первой. Порой останавливалась и то выуживала из травы красивую ветку, то поднимала с песка ракушку. У мамы были уже заняты руки и полны все карманы, так что, когда она брала что-то одно, что-нибудь другое у нее обязательно падало. Все эти вещи нужны были маме для поделок. Папа и дети смотрели на нее с беспокойством. Они помнили, как в прошлый раз мама нашла замечательную гранитную глыбу и не успокоилась, пока они не забрали ее с собой.

Золото скифов

— Такая чудная маленькая глыба! Поднималась со дна моря, откалывалась от скалы и ждала нас на этом месте восемьсот миллионов лет! Неужели мы отвернемся от нее и пройдем мимо?

Разумеется, отказать глыбе, прождавшей их так долго, было невозможно. Гавриловы попытались погрузить ее на детскую коляску, но в коляске что-то треснуло, и глыбу пришлось катить по асфальту километров пять.

За мамой аистом вышагивал старший сын Гавриловых одиннадцатиклассник Петя. По сторонам не смотрел, а глядел на экран телефона, по которому перемещалась точка гугл-карты. Пете важно было уличить карту в неточности.

— Это что тут на карте? Грунтовка! А по факту тут что? Асфальт! Врет карта! — то и дело восклицал он.

У Пети в последние месяцы была тяжелая полоса. Чем ближе к ЕГЭ и к поступлению, тем хуже у него становилось

настроение. Папа и мама не знали, как его приободрить. Петя регулярно повторял, что удовольствия нет, счастья нет. Предстоящая взрослая жизнь — сплошное уныние и вечная работа. Никаких просветов.

Мама Петиной хандры не разделяла и всячески пыталась его растормошить, одновременно создав ему рабочую атмосферу. Она и одеялом ему угол выгораживала, и загоняла его на старый шкаф, где можно было лежать как на кровати. Но Пете почему-то и за одеялом не работалось, и на шкафу не сиделось. Часа два занятий — и его мозг отключался. Он начинал искать виноватых и, конечно, легко обнаруживал их среди братьев и сестер. Но странное дело: когда Пете никто не мешал, например все братья и сестры были на улице, то он сам бродил по дому и искал того, кто бы ему помешал и оказался виноватым в том, что он не готовится.

Вика, четырнадцатилетняя сестра Пети, захватила с собой в поход двух цвергпинчеров — Вилли и Ричарда. Вести на длинных поводках двух дрожащих собачьих мужчин было не так уж и просто. Они вечно перепутывали поводки

и закручивались вокруг столбов. А еще надо было следить, чтобы они не хватали с асфальта и не глотали что попало. Собачки как пылесосы втягивали любой попадающийся им съедобный предмет, а за старое крыло чайки могли даже подраться.

— А-а-а! — кричала тогда Вика, хватаясь за голову. — Что вы делаете?! А если чайка умерла от туберкулеза?!

— А раздавленная крыса, которую они сожрали мину-ту назад, от бубонной чумы! — ехидно говорил Петя.

Вика закатывала глаза, прикидывая, не упасть ли в об-морок, но на дороге было грязно, и обморок приходилось раз за разом откладывать. Тем более что Вилли уже нашел где-то рыбий хвост и теперь поспешно им давился.

За Викой вышагивали двенадцатилетняя Катя и девяти-летняя Алёна.

Катя, она же Екатерина Великая, была большая аккура-тистка. В свободное время она убиралась в своей половине комнаты, складывая вещи по японскому принципу так, что они занимали удивительно мало места. Например, майка сворачивалась и становилась тоньше карандаша.

Алёна, в отличие от Кати, убираться не любила. Она любила рукоделие, а еще слушать аудиокниги и читать. Книги высились в её части комнаты полуметровыми стопками. Вещи же лежали ковром, так что самый простой способ пройти по комнате, не наступив на них, был прошагать по стопкам книг.

— Нет-нет-нет! — говорила Алёна. — Никаких уборок! Я так никогда ничего не найду! Сейчас у меня в комнате всё валяется на своих местах, а после уборки всё аккуратно лежит неизвестно где!

Катя и Алёна волокли за руки семилетнего Сашу — величайшего экспериментатора в мире. Саша ныл, что устал. Поджимал ноги, укладывался на траву, но временами, вырываясь от сестер, пробегал метров четыреста или забирался на высокое дерево. Все прошли километров восемь, а Саша — километров двадцать, потому что в начале похода он все время бегал зигзагами и вопил: «Почему мы идем так медленно?!»

А еще Саша не переставая болтал. Дядя Бубубу, знакомый семьи Гавриловых, как-то предложил ему миллион, чтобы он помолчал в течение двух часов. Вполне серьезно предложил, потому что Саша очень уж ему надоел. Саша выдержал только одну минуту сорок секунд, и Гавриловы так и не разбогатели.

За Катей и Алёной шёл глава семейства папа Николай. На плечах у него сидела трехлетняя Рита и управляла папой, дергая его за уши. Правое ухо — поворот направо. Левое — налево. Правда, папе давно уже надоело слушаться, и теперь он был непослушной лошастью. Отказывался заходить в озеро, отказывался скакать. Хотел сесть за компьютер и работать. К тому же Рита была не самым невесомым ребенком в мире.

— У Риты толстые ноги! Она все время ест! — говорила Вика.

Золото скифов

Рита слышала это и надувалась, собираясь заплакать.

— У Риты лучшие круглые ножки в мире! У тебя такие же были! — торопливо возражала мама.

Вика с ужасом смотрела на свои ноги, похожие на палочки циркуля. Теперь волновалась уже она.

— Неправда! У меня никогда не было толстых ног! — заявляла она.

За папой и Ритой по перешейку короткими перебежками двигался пятилетний Костя. Он ловил бабочек и кузнечиков и сажал их в пластиковый контейнер с дырками, проделанными раскаленной вилкой. Все окна в доме Гавриловых были заставлены банками, в которых жили сверчки, богомолы, медведки, палочники, шипящие тараканы, майские жуки и многоножки. Всё это было хозяйство Саши и Кости. Чтобы узнать, как за ними ухаживать, они целыми днями вбивали в компьютер что-нибудь вроде «разведение клопов и тараканов» и возмущались, потому что компьютер предлагал

варианты, как от них избавиться. И даже голосовой поиск не помогал. Голосовым поиском компьютера Костя научился пользоваться месяца три назад. Он дожидался, пока от компьютера все отойдут, включал микрофон, набирал полную грудь воздуха так, что казалось, он сейчас взлетит как воздушный шар, и громко-громко кричал:

«Хороший суперский бумажный самый настоящий хороший самолет как его складывать нет не такой чтобы быстро летал а чтобы долго летал не слушайте Сашу что он вопит такой вот хороший самолет и как размножить насекомых тоже».

Перед тем как выйти на перешеек, Гавриловы шли степью. Степь была ровная, плоская, с бугорками сусликов, с частыми алыми вспышками маков по обочинам. По полю перекачивались седые волны ковыля. Они точно отделялись от поля и не имели никакой связи с землей. Под ковылем средним ярусом подрагивали маки. И внизу, неподвижный, важный, едва кланялся ветру клевер. К оврагу у озера жались пришедшие на водопой ивы. Встретилась в степи и заблудившаяся карликовая сосна. Несколько раз горевшая вместе со степью, сосна была обожжена, но жива и росла наискось, тянулась к далеким горам. Рядом с сосной, ближе к тропинке, стоял серый крестик безымянной могилы. И он не сгорел: огонь пробежал здесь всегда быстро, крест же был обложен камнями.

Отовсюду проступала красота мира, и папа страдал, что не может зачерпнуть ее и перенести в книгу. Много было этой красоты, изливалась она со всех сторон, как хлещут струи в ливень, а он только и мог, что зачерпнуть совсем немного, точно под дождем бегал туда-сюда с банкой.

«Может, проблема в том, что я слишком спешу писать своё и мало читаю книгу Бога, в которой я только один из героев?» — думал он.

Последний месяц папе Гаврилову не работалось. Он мучительно ждал вспышки интереса к чему-либо, которая накроет его с головой как морская волна и передастся

читателю. Пока этого увлечения нет, пока ты сам не зажгешь себя — любая работа бесполезна, можно только собирать материал. Солнце потому и греет, что само чудовищно горячее. Чтобы читатель увлекся, сам писатель должен запылать. Притвориться здесь не получится. Пока же папа то возился с заметками, то вырезал из полосок бумаги сюжетные линии и перекладывал их с места на место, как вдова, раскладывающая пасьянс. Сделал из колоды карт героев, наклеил им лица из выведенных на принтере фотографий и разложил их на столе, надеясь, что так будет легче. Но легче не становилось. Разве что Алёна приделала героям дополнительные ручки и ножки, сделавшие их похожими на жуков.

— Давай ромашек нарвем! — предложила Катя.

— Думаешь, это ромашки? Это пупырык! Ромашка представлена здесь только одним видом: ромашка ободранная, — важно сказал Саша.

— Не умничай, мелкий! — сказала Катя.

Саша, забывший уже, что устал, вырвался от сестер и нашел в кустарнике застрявшее с прошлого года перекати-поле.

— Костя, возьми его! Готов? — завопил Саша, забегая вперед. — Отпускай! Ловлю!

Костя отпустил. На несколько мгновений круглое перекати-поле недоверчиво застыло, покачиваясь на месте, и вдруг, рванувшись, устремилось вперед. Вертелось, спешило, отрывалось от земли. Подпрыгнув, пронеслось мимо Саши и скрылось в степи. Саша бросился догонять — да куда там!

— А-а! Не поймал! Ты неправильно пустил! — чуть не плача закричал он Косте.

Они вышли к перешейку. На дорогу из камышей выпрыгнул волейбольный мяч. Саша, не раздумывая, схватил его. Вслед за мячом неизвестно откуда выскочил плотный мальчик. Ни слова не говоря, он сбил Сашу с ног и покатился с ним по траве. Всё произошло мгновенно. Саша и мальчик катались по траве, а мяч преспокойно лежал, и на него садились мелкие мушки.